

Магдалина Шасть

Наташа и её кобели

3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Магдалина Шастъ
Наташа и ее кобели 3

«Автор»

2020

Шась М.

Наташа и ее кобели 3 / М. Шась — «Автор», 2020

В поисках идеальных отношений привлекательная, но не удовлетворенная личной жизнью девушка Наташа продолжает свои изыскания. Цинично. Обыденно. В меру иронично. И уже не романтично. Содержит нецензурную брань.

© Шась М., 2020

© Автор, 2020

Сoдeржaниe

Стaнислaв	6
Кoнeц oзнaкoмитeльнoгo фpaгмeнтa.	10

Магдалина Шасть

Наташа и ее кобели 3

Я лежу на правом боку в чужой постели, почти уткнувшись носом в затылок случайного любовника, мучительно борясь с искушением трогательно обнять его сзади и нежно поцеловать в сводящую меня с ума шею. Кто научил мальчишку пользоваться парфюмом, какой из существующих на земле демонов-искусителей подсунул ему злосчастный пузырёк с приворотным зельем и почему бог не покарал меня отсутствием обоняния или хотя бы легким насморком, за все мои грехи, в тот злополучный вечер нашего первого свидания? Я не могу спокойно работать и почти не в состоянии думать о чём-либо ещё, кроме НЕГО, его запаха и своего безумия.

Я неловко поворачиваюсь и, невольно потревожив сон поймавшего меня в свои сети негодника, оказываюсь в его крепких объятиях, зацелованная с ног до головы. Он-то ничего не стесняется! Он может целовать меня столько и туда, сколько и куда захочет! Ведь из нас двоих именно я взрослая и разумная женщина, обязанная (Кому? Чему?) держать себя в руках и не позволять излишних вольностей. Кто это придумал? Не знаю. Но я держусь, как стойкий оловянный солдатик... Будьте вы прокляты, врущие детям о жизни сказки моего детства! Держусь и глотаю солёные сопли, сидя с подружкой за очередным бокалом сухого вина, пока никто нас не видит. Да, тягучая носоглоточная жидкость не заставляет себя долго ждать, когда эмоциональный остов невротической личности в очередной раз бессовестно расшатывается. Но на обоняние мои сегодняшние сопли не влияют – всё, что не нужно, я уже унюхала.

– Наташа, ты же знаешь, что это несерьёзно.

– Конечно, знаю.

– У вас просто секс.

– Естественно.

– Зашибись.

– Прекрасно.

Но отчего же мне так хочется плакать, смешно сморщив свою милую мордашку, и отбрыкиваться от призывов к благоразумию стройными ногами. Совсем, как в детстве, от манной каши или ещё чего-нибудь такого же бесконечно противного?

– Хочу-у-у, пусть несерьёзно, но, чтоб было-о-о...

Но всем известно, что несерьёзное долгим не бывает, потому что даже вовсе несерьёзное становится пиздец каким серьёзным, когда слишком долго. Нужно переключиться. Да, на пару лет в самый раз. В те наполненные запахом коньяка и авантюрных приключений дни, когда на сердце было спокойно, а в кармане, не смотря на ежедневную востребованность, пусто.

Станислав

Белобрысый и пухленький Стасик стоит напротив меня, неторопливо покуривая трубку, придающую, как он думает, его едва опушившейся растительностью юной моське столь желанного им статуса взрослого дядьки, и увлеченно объясняет мне, в чём не согласен с Фрейдом по части психоанализа. Я делаю вид, что слушаю, время от времени теребя пальцами короткую и вызывающе пёструю юбку-ламбаду и переминаясь с ноги на ногу в опасных белых босоножках на высоченных каблуках. Курю сигаретку.

– Думаю, нужно кому-то сходить в магазин, – наконец, вворачиваю я давно зудящее на кончике языка пожелание и от души затягиваюсь вонючим табачным дымом, – А то потом нигде не купим.

– Наверняка, кто-нибудь приторговывает. Тут же деревня, – авторитетно сдвигая брови, вещает премудрый Стасик и многозначительно почёсывает свободной рукой левую щеку.

– Ты знаешь, кто торгует? Не знаешь? И я не знаю! Так что давай чеши, – я даже подрыгиваю ногой от нетерпения, – Мне срочно нужно пожрать и снять эти чертовы каблуки! Невозможно ноги болят! Стасик, давай-давай! В магазин быстренько.

– Зато мужики сегодня прям головы сворачивали, – миролюбиво хвалит мой не по статусу фривольный образ, за который меня вечно осуждает моя мама и одна из бабок у подъезда, Станислав, – Так смешно. Животные.

– Ну да-ну да! Такое наслаждение, когда на тебя пялятся, охренеть! Будто баб сотню лет не видели. Завтра брюки надену с кроссовками.

– А мне очень нравится. И юбка, и обувь. Пряма вау! – собеседник удовлетворённо растягивает пухлые губы в широкой, глупой улыбке, отчего его лицо приобретает ещё более детское выражение. Пупсик мой ненаглядный. Милота!

– Дамский угодник. В магазин чеши. Колбасы не забудь.

– А мороженку будешь?

– Буду-буду.

Наконец-то я оказываюсь в своём небольшом уютном номере, который мы делим с Елизаветой. Прочь, каблуки! А-а-а! Какой кайф! Я падаю в постель без сил, с наслаждением протягивая гудящие от усталости ноги вдоль кровати. Жизнерадостной и до неприличия активной Лизухи, как обычно, след простыл, а я-то хотела разжиться у неё консервами. После продолжительного и безобразно однообразного трудового дня жрать хочется неимоверно. Чего-нибудь жирного, тяжёлого и охуительно острого. А у подруги этого добра навалом. Запасливая она.

Внезапно дверь с чудовищным грохотом открывается, напугав меня, задумчивую, несуществующими диверсантами, и в комнату вваливается румяная от жары и натуги Лиза. Она затаскивает в комнату огромное ведро, полное прозрачной, как слеза, воды. Подруга хулиганит, безбожно толкая двери ногами. Будто выбить хочет, ей богу, аж побелка с притолоки сыпется. Я смущенно одёргиваю предательски несолидную юбочку – та задралась до неприличия. Вдруг Лизавета не одна? Нечего врагам на мои ляжки пялиться.

– Наташенька, я готовлю шулюм во дворе, скоро покушаем, – обожаю Лизуню! Вроде никто с ней не припёрся. Хорошо. Лизка экстремальный экстраверт, гостей любит, а я предпочитаю узкий круг.

– Я Стасю в магаз отправила, за водкой с коньяком. Тебе шампанского сказала купить.

– Молодец какая. Верёвки из мужика вьешь!

– Ну, куда б там – верёвки! Он просто неопытный. Ты зачем воду припёрла?

– Это родниковая.

– Кто сказал? Небось водопроводная.

– Не, я пила. Вкусненько.

- Ну, ок. Будем ночью лакать, с похмелюги.
- Надо бы нам пореже бухать. Я безбожно болею после наших возлияний.
- Я тоже об этом подумываю... Лиз!
- Чего?
- А дай паштетика. Очень кушать хочется.
- Наташенька, как в тебя всё это влезает? Жрёшь тоннами, а толстею я.
- Глисты.
- Ах-ха-ха...
- Так задолбало безденежье. Побираюсь вот.
- Хватит. Сегодня я тебя покормлю. И Стасик. Завтра ты нас.
- Стасика кормить? Фить. Его жена пусть кормит. Я его максимум трахнуть могу. Или не трахнуть.
- Наташенька!
- Лизонька!
- Можно к вам? – чернявенькая Маринка, чующая запах халявы за версту, уже тут, как тут, проникает в комнату вроде бы и тихонько, но выгнать уже не получится, – Лиз, а это ты шулюм варишь, да? Жаль, выпить нечего. Да, Наташ?
- Ладно, мы сегодня добрые, но предупреждаю: шулюма мало, – я снисходительно улыбаюсь, – Жрачка есть какая-нибудь, Марин?
- Банка горошка есть.
- Тащи. Только смотри у меня, бухаем у нас, никому не открываем, поняла? Ещё Стасик придёт, с ним.
- У, Стасик уже с вами? Вот, паршивый кот!
- Ну а чего ему с вами делать? Мы с Лизаветой девки опытные, не то, что письки, с которыми ты без нас тусишь, – вероломная Маринка густо краснеет.
- Девочки, да чтоб я, чтоб я без вас? Да вы что? С ними даже неинтересно! Да я, да я... У меня ещё помидоры есть. И банка пива.
- Помидоры. Вкусненько, – Елизавета всплескивает руками и ломится на выход, – Шулюм!
- Да что с ним сделается? Пусть кипит. Там Светлана Ивановна караулит.
- Сожрут! Вот, что сделается.
- Оно-то да. Могут.
- Сияющий Стася поспекает аккуратно к ужину. Горячая жижа, торжественно разлитая хозяйственной Елизаветой по тарелкам, сводит меня с ума запахом мяса и укропа. Посыпанные крупной солью помидорки так и просятся в мой урчащий с голодухи желудок, вместе с деревенским хлебом. Впрочем, хлеб здесь не самого лучшего качества. В местном сельпо хлеб, как правило, низкопробный, к нашему прескорбному сожалению.
- Как же ты барана отжала, Лизунь? Не иначе краденый.
- Чего, эт, краденый? Семен Игнатьевич подогнал, за услугу.
- Какой-такой Игнатьевич? – я отправляю ложку ароматного шулюма в рот, – Неописуемо! – хвалю стряпуху, – Какая-такая услуга? – Лизуха прячет бегающие глаза, делая вид, что обожглась. Видимо, опять за старое.
- Ты, смотри, за подлог сядешь, дорогуша.
- Ой, ладно. Баран же вкусненький.
- Эт да...
- А я, вот, принципиально никому навстречу не иду, – начинает, было, монолог, Стася, упоённо вылавливая из тарелки крупный, аппетитный на вид, кусок убиенного животного.

– А я тут, тоже, это, написала, не глядя, – неожиданно перебивает его усиленно работающая челюстями Маринка, подбородок которой уже блестит от жира, – Мне баба пятьсот рублей сунула. Что мне жалко, подписать-то?

– Вы странные какие-то, знаете, что провокация может быть, но все равно берёте. Без башни совсем. Мясом лучше бери. Как Лизавета.

– Наташ, я ж тебе мороженого купил. Блин, растает! – спохватывается щедрый Стасик, отчего круглое Маринкино лицо некрасиво перекашивается от потрясения и жирный кусок баранины вываливается изо рта, оставляя безобразное пятно на майке.

– Стась, ну спасибо. Холодильник есть. Положи, будь добрым.

– А мне мороженого? – капризным ребячливым тоном завидует Маринка, перепачканная, как свинья, – Ей, значит, купил, а мне?

– О-ба, да тут целый любовный треугольник! – я ворчливо оглядываюсь на Стасю, – Стась, ты зачем девчонку обижаешь? Мороженого тебе жалко?

Станислав лишь миролюбиво улыбается, покорно засовывая пломбир в морозилку.

– Он ко мне тоже подкатывал, – присоединяется к потехе Лизуха, хитро прищуриваясь, – шоколадные батончики дарил, вкусненькие. Не хотела вам говорить, но раз тут такое... Объясняйся, Стась. Кого из нас предпочитаешь? Или ты и нашим, и нашим?

– Так, по-моему, кого-то нужно проучить, – притворяясь обиженной, я залпом допиваю налитый в эмалированную кружку коньяк, предвкушая забавную игру, – У-ух. Какая гадость. Небось самый дешёвый купил, жадина, – по большому счету, алкоголь вполне себе удовлетворительный, но чуть пьяненькая Наташкина душа уже настолько хочет разгульного праздника, что заставляет мой язык трепаться по ветру алым платочком.

– Что было, то и купил, – озадаченный ироничными угрозами, Стасик испуганно садится на самый краешек ободранной табуретки, отчего его полноватая задница смешно свешивается, и пугливо нюхает свой наполненный наполовину стакан, – Нормально пахнет.

– Молчи мне. К подружкам подкатывает, коньяк невкусный покупает... Ничего, мы с девками тебя проучим, – не унимаюсь я, игриво постукивая пальчиками по краешку журнального столика. Наклеенные на ногти стразики зло поблескивают в такт моих угроз. Обожаю стразики. Обожаю двусмысленные угрозы.

– Надеюсь, это не будет больно? – Станислав кокетливо вздыхает, томно закатывая добродушные серые глаза к потолку. Гавнюк. Ему явно по душе моя игривая двусмысленность, – Звучит очень страшно.

– Мы тебя не больно проучим, – подыгрывает мне грязнуля Маринка, размазывая жир по лицу Лизаветиным полотенцем, – А очень больно.

– Марина, сама потом стирать будешь, – возмущается Лизуха громко, – Есть же бумажные полотенца, свинина!

– Ой, жалко тебе что ли?

Мы выходим с Маринкой покурить на задний двор. Теплые июньские сумерки пахнут жжёной резиной и стиральным порошком. На бельевой веревке, привязанной одним краем за фонарный столб, а другим за старую яблоню, висят чьи-то кое-как постиранные брюки, в подозрительных разводах, видимо, в малярной краске, и несколько пар дырявых носков.

– Предлагаю Станислава трахнуть, – выдаю я неожиданно, повинувшись первобытному порыву под влиянием обонятельных ассоциаций, и от души затягиваясь сигаретным дымом, – Ты со мной?

– Хи. Давай, – по-моему, насквозь циничную и абсолютно всеядную Маринку удивить сложно. Тем более, что скучные местные вечера, даже обильно сдобренные алкоголем, становятся предсказуемо похожими один на другой.

– Лизунь, мы решили Станислава трахнуть, – торжественно объявляю я Елизавете, когда мы возвращаемся в душный, пахнущий цветочным освежителем воздуха и лимонами, номер,

с удовольствием наблюдая, как брови присутствующего при разговоре Стасика стремительно взмывают вверх, – Если ты с нами, оставайся. Если нет, тогда не мешай и уходи. Саботажников нам не надо.

Обескураженная бесстыдным предложением, Елизавета зависает, перезагружается буквально пару секунд, но все же забирает свою слегка отпитую бутылку шампанского и позорно ретируется, как малолетняя ссыкуха. К активным действиям не готова, бывает.

Честно говоря, я тоже с трудом представляю, каким образом осуществить задуманное, так как никогда ничем подобным не занималась, но отступить уже поздно и перед заметно повеселевшей Маринкой неудобно. Я же на какая-нибудь Лизавета. Я смелая. И я начинаю предстоящее соблазнение с того, что умею и люблю, а именно: наливаю себе ещё коньяка. Всё не так, чтобы плохо.

– Только я там небритая, – виновато шепчет мне на ухо Маринка возбуждённым шёпотом, обдавая мою щеку горячим дыханием маньячки, – Мне очень неудобно.

Почему-то я сему факту не удивляюсь. Тому, что небритая. Мы здесь все немного распушились, за неделю-то.

Музыкальный канал по телевизору очень кстати, так как тонкие стены дешёвой гостиницы наверняка будут рады поведать о нашем маленьком секрете всем проживающим. И мы по очереди целуемся под «фиолетовую вату», представляя себя влюбленными друг в друга хиппи. Обыденно и обречённо, будто всегда так делаем. Губы Стасика мягкие и нерешительные, чего не сказать о Маринкиных, которыми она впивается в меня не по-детски. И вот я уже опрокинутая возбуждённой Маринкой на кровать... В общем, всё пошло каким-то иным путем, поэтому через полчаса позора под Маринкой я сбегая от неё и бедного обсосанного Стасика в душ и долго-долго смываю с себя прикосновения скользких женских рук.

Надеюсь, они там, за дверью, удовлетворятся друг другом и без меня. Но то, что не встало, то не встало. Плоть слаба. И разочарованная недогрупповушкой, Маринка еще несколько раз пытается изнасиловать меня, выползшую, наконец, из своего укрытия. Ну, не-е... Уберите! Остановите! Странный опыт. Лишнее. И я настойчиво прогоняю сладкую парочку прочь, поскольку завтра рано вставать и нужно как следует выспаться, но они не уходят и обещают вести себя тихо.

– О-о-о... Как вы мне надоели, – шепчу я в смятении, выключаю телек и ложусь спать, заворачиваясь в простыню с ног до головы, точно мумия, – Чтоб я вас не слышала! И, Маринка, приставать не смей. Ударю.

Как ни странно, в сон я погружаюсь легко и беззаботно...

– Ребята, давайте-давайте, вставайте, валите по комнатам! – шпыняет молодежь Елизавета ранним утром, – Разлеглись тут. Давайте. Мне теперь всё стирать придётся.

Опухшая ото сна Маринка и страдающий похмельем Стася неохотно выбираются из чужой постели, почти бесшумно отбывают по очереди, опасаясь спалиться.

– Лизонька, ты моё спасение! – приоткрываю я один глаз, – Уже вставать? Как они мне вчера надоели!

– О, великая трахальщица проснулась, – язвит Лизавета беззлобно и ржёт в ладошку, хитро сощурившись, – А я вчера чуть с Мишкой не переспала. А-а-а!

– Почему чуть? Лиза! – Михаил Егорович, наш босс, сорокалетний мужчина в полном расцвете сил, пышущий здоровьем, искрометным юмором и неиссякаемым либидо, давно ходит вокруг да около нашего благоухающего букета. Неделя-то! Для мужика здорового, явно привыкшего почаше. Жена ж. Весьма вероятно, что любовница. Хотя он нам не докладывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.